

© ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

«Дети», 1899 год

обязательных для всех членов коммуны, мальчику почти не давали рисовать. А ведь он — чуть ли не с рождения — был очень хороший художник. Гений, вундеркинд, виртуоз, мастер, само совершенство. Моцарт русского искусства. Иные годами не могут добиться того, что у него выходило само собой, с божественной легкостью. Нет, он при этом очень много работал, буквально не выпускал из рук карандаша, но как будто не для тренировки, а из чистого удовольствия. Любой, кто занимался рисованием, знает: за то, чтобы сделать хоть один рисунок или этюд, как у Серова, стоит продать душу дьяволу.

И все же современникам в нем вечно чего-то недоставало, как будто у него — при всем переизбытке формы — имелась какая-то нехватка содержания. Вот вроде бы все правда, а реализма нет. Глубокого, идейного, критического реализма, как в «Крестном ходе в Курской губернии». Но и натурализма — не дай бог! — тоже нет. И вообще непонятно, что он такое. Ни рыба ни мясо. Не передвижник, хоть с детства учился у Репина и одно время входил в «Товарищество». Не натуралист, хоть первые уроки — еще в дорепинские годы — получил в Мюнхене, натурализма рассаднике, и гораздо позже стал первым русским членом мюнхенского сецессиона. Не символист, хотя, казалось бы, абрамцевский кружок и дружба с Врубелем располагали, как и позднейшее членство в венском сецессионе. Не декадент-мирикусник, хотя не пропустил ни одной из первых выставок и в объединение входил. И даже не эстет, даром что вся его жизнь прошла в мире искусства — мире академий и разного рода сецессионов, вагнеровского Байройта и дягилевских сезонов.

Проще сказать, что по образу жизни он был импрессионист — в смысле постоянной смены впечатлений. Петербург, Мюнхен, Париж, Киев, Москва — как пошло с раннего детства, так и не остановить: никакой системы, вся жизнь в движении, полгода тут, полгода там, то город, то деревня, то музей, то пленэр, где-то поучился, где-то поучительствовал. Жизнь течет — и он течет в ее русле. Бенуа в «Истории русской живописи» сравнит Серова с Менцелем, имея в виду лишь исторические сюжеты, но сравнение справедливо и в более широкой перспективе. Как в Менцеле — во всем корпусе его наследия, вплоть до малейших почеркушек, — сегодня видят импрессионизм, альтернативный французскому по форме, но, может быть, еще более бергсониянский по сути — ежесекундную работу интуиции и растворение в потоке реальности, так и Серов кажется живым воплощением идей бергсоновой «Творческой эволюции». Non-stop и non finito. Вообще-то Серов был на год старше Кандинского и на пять лет младше Левитана. Но где они и где Серов? Левитан — в XIX веке, Кандинский — в следующем.

А Серов? И там, и там? Хотя, конечно, в нем теперь предпочитают находить ростки авангарда, и в поздних вещах и вещицах, ар-нувошных, напоминающих порою Тулуз-Лотрека, он выглядит пророком экспрессионизма. В отличие от Менцеля, Серов прожил очень недолгую жизнь — всего-то 46 лет. И творческая эволюция его была такой же невероятной, что и у Менцеля за вдвое больший жизненный срок, от «Девушки, освещенной солнцем» (1888) до «Иды Рубинштейн» (1910). Или, если выражаться языком серовских критиков-коллег, от «сифилиса» (Владимир Маковский) до «гальванизированного трупа» (Репин).

Впрочем, на выставке не будет никого «сифилиса» и «гальванизированных трупов» — она обойдется без портретов. Сам Серов без портретов обойтись не мог — они его кормили (писать портрет государя императора Николая II, правда, отказался, а когда Шаляпин, выйдя на поклон после «Бориса Годунова», вместе со всей труппой встал на колени перед царской ложей, порвал и с Шаляпиным, — см. раздел «хороший человек»). Но восприятию себя как портретиста раг excellence отчаянно противился («Я не портретист. Я — просто художник»). Здесь ему, правда, помогала и вся последующая критика, писавшая, что серовские портреты суть пейзажи с жемчужно-серыми приboями и розоватыми закатами и даже что в любом, пусть и самом противном ему заказе, в итоге является он сам, гений чистой живописи, и никто более. Что ж, замечательно, что Русский музей уважил мнение художника. Все остальное, непортретное, будет аккуратно разобрано по жанрам, темам и техникам: натурщики; зверье, особенно — обожаемые его лошади; пейзажи, просто мотивы и с людьми; античные и библейские сюжеты; сцены из русской истории; иллюстрации — к басням Крылова, к Лермонтову; театральные эскизы; шаржи, ужасно смешные. И эта разложенная по полочкам творческая жизнь не даст нам того, чего мы все привыкли ждать от большого русского художника, а именно — большой картины. Ну, как «Война и мир». Когда Серов умер, его хоронили так, как в России хоронят разве что великих писателей земли русской. Оплакивали единым хором — от Горького до Брюсова, от Репина до Дягилева. Оплакивали несбывшиеся надежды на некое великое произведение русской живописи, на пороге которого он будто бы стоял. Подчас пытаются найти что-нибудь в состоявшемся серовском творчестве и назначить на эту важную роль. Допустим, «Похищение Европы». Но без особых успехов. Русский музей, например, впервые выставит «Хождение Христа по водам» — огромную холстину, пять с половиной на семь метров, которую Серов с Коровиным писали в 1890-м для приходской церкви Космы и Дамиана при мануфактуре Третьякова и Коншина в Костроме. «Хождение», снятое с валов и отреставрированное, выглядит сейчас как огромный синий квадрат с хрупкой белой фигуркой внизу слева. Но тоже неубедительно. Однако эта всеобщая Серовым неудовлетворенность — удивительное дело. Вот же и Чехов, с которым Серов, кстати, успел познакомиться и сблизиться, не оставил никаких «войн и миров», зато оставил ворох, скажем так, эскизов и зарисовок, из которых весь мир уже сто с лишним лет узнает, что быть хорошим человеком и при этом еще и хорошим художником — это очень даже много. И потом, весь XX век, к порогу которого Серов вплотную подошел, только и занимался тем, что разоблачал большую картину, как и все, раз и навсегда ставшее быть, и требовал от художника раствориться в процессе жизнетворчества, и доказывал, что горстка цветочной пылицы на полу музея может быть ценнее, чем тысячи тон словесной руды. Так что, конечно, хороший человек и хороший художник Валентин Серов опередил, предугадал и предвосхитил. А что большой русский картины не написал — так и слава богу.

«Серов. Не портретист. К 150-летию со дня рождения». Русский музей, Корпус Бенуа, до 8 июня